

Глава 43. Старые сны (14)

Жун Жо был бледен как полотно. В уголках глаз ещё дрожали слёзы, но он из последних сил заставил себя улыбнуться:

— Старший брат Чу, я в порядке...

Тяжёлая ладонь Цзян Ехуна опустилась на макушку юноши.

— А-Жо, не надо ломать комедию. Тебе больно, и это естественно. Что за привычка такая — вечно притворяться?

Жун Жо поспешно опустил голову. Слёзы всё же скатились по щекам; он торопливо смахнул их рукавом.

— Гостям нравилось... когда я улыбаюсь... О чём это я, — спохватился он. — Старший брат Чу, ваша рана действительно не опасна? Позвольте мне взглянуть.

Цзян Ехун словно полоснуло по сердцу. В таком злачном месте, как Ижэнь-гэ, никто не спрашивал «хочешь» или «не хочешь». Кроткий, покорный нрав Жун Жо был не врождённым — его вбивали силой. Гости приходили туда за весельем, кому охота смотреть на чужие слёзы? Как бы паршиво ни было на душе, изволь скалиться.

В горле у Цзян Ехуна встал ком. Переполнившись жалостью, он осторожно привлёк юношу к себе и обнял.

— А-Жо, дуралей... Ты больше не в Ижэнь-гэ. При мне не нужно... не нужно так себя истязать.

Жун Жо на мгновение замер, а потом, тихо всхлипывая, прошептал:

— Хорошо...

Цзян Ехун почувствовал, как к лицу приливает жар. Зачем он опять полез обниматься? Впрочем, какая теперь разница — он и так уже натворил достаточно глупостей, одной больше, одной меньше.

— Ты... ты можешь положиться на меня. Положиться во всём. Считаю меня своей семьёй. — Сам Цзян Ехун рано потерял родных, но судьба была к нему милостива — он встретил наставника, который заменил ему отца.

Жун Жо кивнул:

— Угу... Я буду почитать вас как старшего брата.

Ехун застыл. «Почитать как брата»? Значит, у Жун Жо и в мыслях не было ничего иного? Впрочем, чего он ожидал? С самого начала юноша не переходил границ. Всё, что он чувствовал — это безмерную благодарность за то, что его выкупили из борделя. Даже когда Ехун позволял себе лишнего, А-Жо, скорее всего, просто терпел, помня о долге чести.

Ехун выпустил юношу из объятий и неловко отвернулся.

— Я... я пойду посмотрю, есть ли у нас что-нибудь перекусить.

Чувство неприкаянности накрыло его с головой. Зайдя в кухню, он замер, тупо глядя в одну точку. В груди было тесно, словно кто-то зажал ему рот и нос, не давая вздохнуть. Он хлопнул себя по лбу. Сам виноват — развёл тут телячьи нежности, поддавшись минутному порыву. Жун Жо ни при чём. Если тот хочет видеть в нём брата — пусть будет так. Но почему тогда на сердце так паршиво?

Он начал в смятении перебирать продукты, не понимая, за что взяться.

— Старший брат Чу, может, мне помочь? — раздался за спиной голос Жун Жо.

Ехун невесело усмехнулся и поднял корзину с овощами. Он выдавил из себя подобие улыбки — кривое и вымученное.

— Обычно ты меня кормишь. Ты сейчас ранен, так что пришёл мой черёд стряпать.

— Но...

Не дав ему договорить, Ехун мягко вытолкнул Жун Жо из кухни.

— Послушай меня хоть раз. Я всё-таки старше, мне и заботиться о тебе подходит.

Юноша не до конца понял перемену в настроении спутника, но послушно отступил, наблюдая издали. Ехун снова попытался улыбнуться, но вышло ещё хуже, чем в первый раз.

Он схватил нож. Картофель он искромсал на огромные, бесформенные куски и только потом заметил, что даже не помыл его, не говоря уже о чистке. На лезвии красовались ошметки грязи. Ехун с досадой швырнул картошку в корзину для отходов. Взял кочан капусты, принялся остервенело отдирать листья и бросать их в таз. В голове был полный сумбур. Нож соскользнул с разделочной доски и едва не вонзился ему в ногу.

— Старший брат, давайте лучше я, — у Жун Жо сердце ушло в пятки при виде такой «готовки».

— Всё в порядке, — упрямо буркнул Ехун, хотя улыбаться сил больше не было. — Я умею готовить.

Он принялся мыть овощи, да с такой силой, что нежные листья превратились в кашу.

— Ничего страшного, — бормотал он себе под нос. — Есть можно. Вот увидишь, я справлюсь.

Кое-как, в суматохе и грохоте, обед был готов. Рис плавал в избытке воды, превратившись в жидкую размазню, а во время жарки овощей Ехун засмотрелся в окно и плеснул в сковороду целый ковш воды. Пришлось потом долго вычерпывать лишнюю влагу ложкой.

За столом Ехун сидел, отрешённо тыча палочками в миску. К еде он так и не прикоснулся. Жун Жо не понимал, что с ним творится. Стоило им закончить, как Ехун бросился убирать посуду и в процессе умудрился разбить три чашки.

Ночью он ворочался с боку на бок, казня себя за несдержанность. «Осади коней, — твердил он себе. — Жун Жо не видит в тебе мужчину. Ты для него — старший брат. Не будь скотиной, соблюдай дистанцию».

Он заснул лишь под утро, под мерный ропот собственных мыслей, но почти сразу был разбужен криком наглого петуха. Раздражённый до предела, Ехун натянул одеяло на голову.

Вскоре крики прекратились. Обычно в это время Жун Жо рассыпал горсть зерна, чтобы утихомирить птицу. «Неужели уже встал? — подумал Ехун. — Зачем в такую рань, со своими-то ранами?» Он тут же вспомнил ночную установку: соблюдать дистанцию.

Жун Жо, как ни в чём не бывало, принялся за завтрак. Ехун в это утро был непривычно тихим. Он старался не смотреть на юношу, но боковым зрением всё равно ловил каждое его движение.

— Старший брат Чу, что с вами? — первым нарушил молчание Жун Жо.

— А что со мной? — Ехун попытался изобразить полное равнодушие.

— Вы какой-то... необычный сегодня.

— С чего бы это? — Ехун уткнулся в миску. — Просто не выспался, наверное. Ты сегодня дома сиди, отдыхай, я сам в ямэнь схожу.

— Брат Чу, со мной всё в порядке. Или вы... не хотите, чтобы я шёл с вами?

— Вовсе нет. Я... — Ехун замаялся. — Если считаешь, что сдюжишь — пошли.

***

В мертвецкой ямэня Цзян Ехун откинул белое покрывало и принялся изучать рану на шее живой куклы. Хоча, протирая инструменты, проворчал:

— Срез ровный. Работали нитью. Невероятно острой нитью — один рывок, и голова долой. Такая дрянь железо режет, как масло.

— Железо? — Ехун выпрямился. — Что же это за нить такая?

— Нить марионеточника? Обычно используют шёлк, но бывает и стальная проволока. Тонкая, как волос, и острая, как бритва.

Ехун тяжело вздохнул. Жун Жо стоял поодаль, не проронив ни слова. Слуги из поместья Унань-вана говорили, что когда они прибыли, кукла уже была обезглавлена. В тот момент там находились четверо: живая кукла, его хозяин, Цзян Ехун, который был без сознания, и Жун Жо. Хозяин ни за что не стал бы уничтожать своё творение, на которое потратил столько сил. Оставался только Жун Жо.

Ехун перевёл взгляд на тело У Юя.

— Его ведь замучил хозяин этой куклы?

— Верно, — Хоча захлопнул ящик. — Ему подрезали сухожилия на руках и ногах марионеточными нитями. Крайне жестокая смерть.

— Нужно проверить всех кукольников в столице, — не оборачиваясь, бросил Ехун.

— Разбирайтесь тут сами, а мне пора, — Хоча подхватил инструменты и удалился.

Когда за ним закрылась дверь, Ехун подошёл к молчаливому Жун Жо.

— А-Жо, тебе нечего мне сказать?

Юноша теребил край рукава.

— Брат Чу... Это я убил куклу. Искусство марионеток — это тоже часть шаманизма. Я владею им.

Ехун не ожидал, что тот признается так легко, даже не попытавшись оправдаться.

— А тогда, в деревне Девяти Семей... А-Лан оглушил тебя и бросил в горах у алтаря. В ту дождливую ночь погиб брат Лю Чжэна. Это тоже... ты?

Жун Жо поднял голову. Его улыбка была невинной, но бесконечно печальной.

— Тоже я. Не ожидали, брат Чу? Я монстр, способный убивать без следа.

Эта улыбка была похожа на растоптанный в грязи чистый снег — смотреть на неё было почти невыносимо.

— Если бы ты не убил ту куклу, мы бы оба были мертвы, — глухо произнёс Ехун. — И слуги принца тоже. Хоть он и был когда-то человеком, став куклой, он перестал им быть. Но почему ты убил брата Лю Чжэна?

— Потому что он хотел убить меня...

В душе у Ехуна всё переплелось. Он долго молчал, не зная, что сказать. Жун Жо подошёл ближе.

— Старший брат Чу, вы можете запереть меня в темнице. В конце концов, я убийца. Не надо меня жалеть и не надо ради меня поступаться своими принципами.

Ехун промолчал. Спустя долгую минуту он просто развернулся и пошёл к выходу.

— Идём. У нас ещё есть дело.

Жун Жо, едва заметно улыбнувшись, последовал за ним. Ехун направился к дому У Юя. Возле ворот они столкнулись с соседкой, которая как раз собралась за покупками.

— Тётушка, позвольте спросить... — начал Ехун.

Договорить он не успел. Женщина округлила глаза и гневно уставилась на него:

— Совсем ослеп на старости лет? Какая я тебе тётушка?! Язык бы тебе прикусить, олух!

Ехун оторопел. Тётушка и тётушка, что не так-то? Как её ещё называть?

Жун Жо тут же расплылся в вежливой улыбке:

— Сударыня, не гневайтесь, прошу вас. Мой брат не хотел вас обидеть. В переулке так темно, вот он и обознался. Будь здесь хоть капля света, он бы ни за что не назвал столь молодую и прекрасную госпожу тётушкой. Простите его за оплошность, будьте великодушны.

Дама поправила причёску и одарила Ехуна презрительным взглядом, после чего ласково обратилась к Жун Жо:

— Поучись-ка у этого молодого человека, верзила. А то вымахал под облака, а глазёнки-то не соображают. Ладно уж, так и быть, прощаю.

Ехун едва не задохнулся от возмущения. Ей на вид сорок с лишним, что не так в «тётушке»? Жун Жо легонько потянул его за рукав. Ехун, обняв свой меч, демонстративно замолчал.

— Сударыня, вы знали У Юя? — мягко спросил Жун Жо.

Женщина кивнула, поудобнее перехватив корзину.

— Горькая судьба у мальчишки. Мать его вечно хворала, а отец — бездельник и пьяница, только и знал, что кулаками махать. Но Бог шельму метит: как-то ночью нализался, свалился в канаву и шею себе свернул. Потом У Юй с матерью уехали на какое-то время. А позже он стал возвращаться один. Я видела разок, как он сидел в пустом доме и плакал тайком. Жалко его было.

— А куда делась его мать?

— Кто ж её знает. Как уехала, так я её больше и не видела. Он всё прибегал, обнимал её старые платья и ревел. Хорошая была женщина, да слабая здоровьем, из дома-то почти не выходила. У Юй в детстве такой смышлёный был, за любую работу в мукомольне брался, лишь бы матери на лекарства заработать. Славный был ребёнок, да вот отец ему достался — сущий бес.

Доктор Ду говорил, что У Юй был лодырем и завсегдатаем игорных домов, а соседка твердила, что он был «славным ребёнком». Если У Юй действительно был сыном У Хуэйюнь, как она могла позволить ему прозябать в такой нищете? Неужели она годами не вспоминала о собственном сыне, а потом, мучимая совестью, решила забрать его к себе?

<http://bllate.org/book/17428/1663585>